

ДИПЛОМАТИКА ПОЗЕМЕЛЬНЫХ АКТОВ ДВИНСКИХ КРЕСТЬЯН XVI В.

В статье рассматриваются с дипломатической точки зрения акты, оформлявшие различные поземельные сделки. Участниками их были исключительно крестьяне, иногда они являлись одной из сторон. Двина — единственная область Русского государства, от которой до нас дошли ранние крестьянские поземельные акты в таком количестве и разнообразии, что они могут быть подвергнуты специальному изучению. XVI в. — важный период их истории, когда после присоединения Двины к Москве происходит смена повгородской традиции составления акта московской.¹ Этим определялись территориальные и хронологические рамки данной работы.

Из многообразных крестьянских актов мы избрали в данной работе лишь те, в которых устанавливается переход земли из одних рук в другие (купчие, отступные, данные, закладные, меновные) или закрепляется уже совершившийся ранее переход (мировые, дельные, отводные записи).

Чтобы показать соотношение актов каждого разряда, мы представляем в виде таблицы учтенные нами акты по двум хронологическим периодам: за первые шесть десятилетий и за четыре последних десятилетия XVI в. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Акт	Число актов		Всего
	с конца XV в. до 1560 г.	с 1561 по 1600 г.	
Купчие	349	548	897
Отступные	180	118	298
Данные	71	136	207
Закладные	49	35	84
Меновые	21	18	39
Мировые	5	33	38
Раздельные	33	53	86
Отводные	14	8	22
Итого	722	949	1671
В среднем актов на десятилетие	120	238	167

¹ С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 286.

Итак, в нашем распоряжении около 1700 крестьянских поземельных актов, относящихся, хотя и неравномерно (в первом периоде — более 100 актов на десятилетие, а во втором — более 200), ко всем десятилетиям XVI в. Преобладание купчих и отступных (тех же купчих, как увидим далее) среди других разрядов грамот (в первом периоде они составляли 73%, во втором — 70%) свидетельствует, что купля-продажа земли была распространеннейшей сделкой в среде чернослопного крестьянства в течение всего XVI в. Заметное увеличение числа данных во втором периоде отразило активизацию приобретательской деятельности монастырей на Двине во второй половине XVI в.

Дипломатика принимает во внимание и внешнюю форму изучаемых актов. Для изучения крестьянских поземельных актов благоприятным обстоятельством является то, что большинство их сохранилось в виде подлинников.² Лишь около 20% актов дошло в позднейших копиях. Установление времени и места составления акта не представляют труда, так как акты датированы, а место или прямо указывается, или его можно узнать по служебному положению писца — дьячок такой-то церкви, дьяк такой-то волости, посада и т. д. Подлинный акт, как правило, пишется на столбце — на части сстава, на целом сставе или на нескольких сставах в зависимости от объема акта.

В дипломатике сложились приемы изучения актов с помощью создания схем актов разной степени обобщения (от общей схемы построения актов до схем отдельных разновидностей их или более мелких групп и даже отдельных актов) и отдельного изучения выявленных таким образом частей и элементов, их составляющих.

Подобную общую схему возможно построить и для такой разновидности актов, как крестьянские поземельные акты. При построении такой общей схемы нам представляется правильным исходить из текста купчих и отступных, близких друг к другу по формуляру. Основной текст акта может быть разделен на 8 частей, или клаузул. Первая часть включает следующие элементы: наименование сторон сделки, определение сущности сделки, определение объекта сделки, наименование объекта, происхождение, принадлежность, границы, исключения из предмета сделки и т. д.; 2-я — говорит о цене; 3-я — указывает причину сделки (в купчих очень редкая); 4-я — запрещает выкуп; 5-я — обязывает продавца «очищать» землю от претензий на нее; 6-я — говорит о статусе купчей и отступной как отводных грамот; 7-я — о передаче крепостей на

---

² Подлинные крестьянские акты XVI в. сохранились в большом количестве в Собрании Антониево-Сийского монастыря (Архив ЛОИИ), в коллекции грамот до 1613 г. (Архив ЛОИИ), в фонде грамот Коллегии экономики по Двинскому уезду (ЦГАДА), в Собр. Беляева (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Рукописный отдел), в коллекции Двинские акты (Архив ЛОИИ), в нескольких фондах Гос. арх. обл. пст. архива.

землю и 8-я — о тягле и хозяйственных потребностях. Акт завершается удостоверительной частью.

Хотя приведенный нами типический формуляр отражает структуру крестьянского поземельного акта лишь в общей форме, тем не менее с его помощью мы можем заметить почти полное сходство элементов первой клаузулы в актах всех разрядов и полное совпадение удостоверительной части. Конечно, в зависимости от разряда в акте отражены различные элементы и разное их соотношение, однако тождественные выражения в фиксации одинаковых юридических норм, в описаниях объектов сделок позволяют рассматривать избранные нами крестьянские поземельные акты с дипломатической точки зрения как единую разновидность.

Это будет более очевидно, если мы рассмотрим отдельные клаузулы и их элементы в историческом развитии.

Первая часть первой клаузулы состоит из двух элементов: определение характера сделки и наименования контрагентов. Из всех рассматриваемых разрядов актов лишь в купчих употребляются в первом элементе две равнозначные формулы: «се яз... купил» и «се яз... продал». Наличие той или иной формулы в купчей, указывающей, от чьего лица составлен акт — покупателя или продавца, конечно, существенного значения не имеет, так как тут и там сделка одна и та же — купля-продажа, но с дипломатической точки зрения представляет несомненный интерес соотношение этих формул в актах разного времени. Оказывается, преобладающая в ранних актах формула «се яз... купил» вытесняется в более поздних актах формулой «се яз... продал». Это явление мы можем выразить так:

	Купчие с формулой «се яз... продал»	Купчие с формулой «се яз... купил»
До 1540 г.	80	89
С 1540 по 1550 г.	58	19
С 1550 по 1560 г.	81	7
С 1560 по 1600 г.	528	20

Как видим, в купчих до 1540 г. формула «се яз... купил» была преобладающей, в 40-х годах она встречается едва в 30% актов и почти исчезает в 50-х годах (около 8%). В последнее 40-летие XVI в. акты с этой формулой очень редки — господствует формула «се яз... продал». Вряд ли смена одной формулы другой может быть объяснена какими-либо изменениями в правосознании крестьян, скорее это результат общих мер правительства по упорядочению актового формуляра. Этим отчасти и было вызвано резкое падение числа актов с формулой «се яз... купил» в 50-е годы, когда проводились крупные реформы во всем местном управлении.

В отступных грамотах в течение всего столетия сохранялась одна формула: «се яз... отступился». Этой формулой выражалась

та же купля-продажа, что и разобранными формулами купчих, в той только разницей, что сделки по отступным совершались не на черные земли, а на специфические по положению оброчные земли Двины. Последнее убедительно доказано А. И. Андреевым.³ Такие постоянные формулы отступных грамот, как «отступился» вместо «продал», наименование земли «землей великого князя», а вместо лишь «посильем» или «владением», обозначение платы за поступную землю как платы «за посилье», т. е. за вложенный труд, и, наконец, обязательное обоснование «поступки» тем, что отступщик «не измогл... государя великого князя дань давати, и службы служити, и хлеба посолного в житницу и земского раз-рубка с волостными людьми платити», могли, по мнению А. И. Андреева, относиться только к оброчным землям: их крестьяне не считали своей собственностью, они их не могли продавать, а могли лишь ими поступаться и брать деньги за вложенный труд, наконец, оброчные земли были обложены более высоким палогом. Приведенные формулы из отступных действительно свидетельствуют о различном отношении крестьян к черным и оброчным землям (первые — их собственность, вторые — их владение), однако в условиях Двины, где преобладали черные земли, а оброчные были лишь небольшими вкраплениями в них, правовой статус первых переносился и на вторые.⁴

Крестьяне, использовавшие черные и оброчные земли в едином хозяйственном комплексе, платившие с тех и других земель оди-

---

³ А. И. Андреев. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.). В кн.: Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пгр., 1916, с. 131—181. — Некоторые добавочные соображения высказаны нами в статье «Крестьянское землевладение Подвижья в XVI в.» (в кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 105—111).

⁴ Н. Н. Покровский оспаривает это положение А. И. Андреева. Исходя из того, что отступные грамоты по формуляру близки к купчим (отдельные статьи и выражения отступных встречаются в купчих и в посильных), он утверждает, что связывать отступные с оброчными землями не следует (Актовые источники по истории черносопного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973, с. 54—61). Однако доказательства Н. Н. Покровского, на наш взгляд, ослабляются отсутствием у него исторического подхода к изучению эволюции формуляра указанных грамот. Он не обратил внимания на наблюдения А. И. Андреева, что взаимное сближение формуляра отступных и купчих происходит заметнее с 50-х годов XVI в., когда (как теперь установлено) черные и оброчные земли в тягловом отношении были уравнены. Не учел Н. Н. Покровский и того, что посильные грамоты потому близки к отступным, что по ним (и это показано А. И. Андреевым на примере посильных Устюга и Нижнего Новгорода) совершались сделки на дворцовые и оброчные земли. Наконец, Н. Н. Покровский обошел молчанием данные А. И. Андреева о наличии тяглых оброчных земель на Двине (со времен колфиксаций), о размере платежей с них и о примечательном совпадении существования в той или иной местности оброчных земель и о наличии именно от этих местностей отступных грамот. Все сказанное позволяет нам в нашей работе придерживаться выводов А. И. Андреева.

такие основные налоги (с добавкой с оброчных особого оброка), на практике усваивали то же право распоряжения оброчными землями, каким они пользовались в отношении черных земель. Этим может быть объяснена близость общего формуляра купчих и отступных (на чем мы остановимся ниже), а также употребление в отступных отдельных выражений, взятых из купчих. Изредка в отступных первой половины XVI в. и чаще в отступных второй половины, когда оброчные земли слились с черными, а отступные писались по традиции, в них вдобавок к слову «отступился» появились слова «и продал» или писалось одно слово «продал», акт называл себя «купчей», земли, переходившие из рук в руки по отступным, именовались «землями купленными», старые сделки по отступным — «куплями». Ясно, что составители отступных рассматривали эти сделки как сделки купли-продажи. Поэтому мы вправе приравнивать отступные в юридическом отношении к купчим и, следовательно, признать право собственности крестьян на оброчные земли, хотя акты и говорят лишь о владении.

Итак, разбираемую нами формулу первой части отступной «се яз... отступился» следует рассматривать в значении чтения купчих грамот: «се яз... продал».

В данных грамотах, фиксировавших передачу земли в монастыри и церкви, характер сделки определялся в большинстве случаев выражением: «се яз... дал». Другие словосочетания аналогичного значения — «се яз подписал», «се яз... припустил», «се яз... поступился», «се яз... положил» — встречаются примерно в 5% грамот и выражают, вероятно, не только индивидуальные вкусы составителей документа, но и специфическое положение даримой земли. Выражение «се яз... подпустил» касалось несомненно земель, которые примыкали к другим монастырским владениям, и дающий лишь «припускал» их к монастырскому хозяйственному комплексу. Аналогичную операцию совершали писцы, «припуская» земли одной смежной деревни к другой. Приведенные формулы предполагают сделки по данным как добровольные. Такими они, видимо, и были в большинстве случаев, когда земля давалась в монастырь «на помпнок», на «устройство души», но иногда даритель преследовал и материальные цели: получить более льготные условия жизни, обеспечить старость через пострижение, погасить старый долг и т. д. Здесь уже действует экономическая обусловленность, а не свободная воля собственника земли.

В остальных разрядах разбираемых крестьянских актов — в закладных, меновных, мировых, дельных и отводных — характер сделки определялся адекватным устойчивым выражением: «се яз... заложил», также-то «обменялись», «помирились», «разделили», «отвели». В дальнейшем мы увидим экономическую обусловленность этих сделок, однако формулировка приведенных выражений не оставляет сомнений в полной правомочности крестьян совершать их по своей воле.

Контрагенты сделки (второй элемент первой части грамот) указывались в актах поименно, причем имя ставилось в полной форме — имя, отчество (передаваемое выражением сын такого-то) и фамилия, в тех случаях, когда она уже закрепилась за родом (по имени деда, прадеда, по прозвищу предка, по месту жительства и т. д.). Рядом с именем приводилось прозвище. Примечательно, что акты в названии сторон не употребляли уменьшительных именных форм: Вапька, Алепка и т. д. Полной именной формой подчеркивались значение акта, равенство прав сторон, совершающих сделку, и уважение человеческого достоинства, бытовавшее в крестьянской среде. Характерно, что в правительственных грамотах, обращенных к крестьянам, а также в обращениях (челобитных) крестьян к властям преобладала уменьшительная форма имен. В силу юридического значения акта в нем с обеих сторон указывались все лица, имевшие право на землю (предмет сделки) или приобретшие это право. В большинстве случаев сделка совершалась одним лицом, иногда от имени группы лиц (родственников, совладельцев), иногда от имени учреждений (монастырей, церквей, волостей и т. д.). В табл. 2 приведены сведения по купчим и отступным, дающие представление о соотношении этих сделок.

Из табл. 2 видно, что 75% сделок продажи и около 80% сде-

Т а б л и ц а 2

Совершили сделку	Купчие		Отступные	
	продали	купили	отступились	приобрели
Одно лицо	672	716	244	270
Отец с детьми	30	28	13	3
Мать с сыном и дочерью	10	—	7	—
Два брата	90	42	12	10
Три брата	26	20	13	4
Четыре брата	16	5	1	3
Пять братьев	18	5	3	1
Прочие совладельцы	27	20	—	3
Монастыри	2	60	—	4
Волость	2	—	4	—

лок покупки совершили отдельные лица, еще выше процент одиночек в сделках «поступки» (80%) и приобретения по отступным (90%). Сделки, совершенные группой (родители с детьми, братья, совладельцы) как по купчим, так и по отступным, в среднем составляют 2—5% в каждой группе. Эти данные позволяют утверждать, что земельная собственность в XVI в. являлась собственностью отдельной малой семьи, глава которой был правоспособен совершать с ней самые различные сделки. Семьи, состоявшие из родителей и правоспособных сыновей или братьев, имевших рав-

ные права на земельные владения семьи, хотя и продолжали существовать, по числу их было невелико. Как показывают отдельные грамоты, почти 70% из общего их числа фиксировали разделы братьев. Конечно, отцовские (родители и несколько сыновей) и братские семьи возникали естественным путем, и вновь, однако, активные разделы сводили количество больших семей до минимума. Отметим здесь, что в сохранившихся по Двине писцовых материалах XVI—начала XVII в. свыше 90% дворов описаны с одним человеком, хозяином дома. Это подтверждает достоверность соотношения, выведенного на основе актового материала. Конечно, табл. 2 своей группировкой сделок по контрагентам отражает лишь в общих чертах имущественные отношения в крестьянской семье: права отца, сыновей, матери при детях. Но в таблице не отражены отдельные случаи, когда среди контрагентов названа рядом с мужем жена, рядом с братьями — сестра, рядом с дядьями — племянница. Эти случаи редки, но они вносят существенные дополнения в характеристику положения женщины: безусловное ее право на приданое (в земле, в имуществе, в деньгах), право сестры на долю в земельных «станках отца» при братьях (что воспрещено Судебником 1589 г., ст. 190), то же право племянницы при дядьях. Интерес представляет формула о контрагентах, где одной из сторон является волость. В таких случаях или называется по именам лишь комиссия, действующая «во всех волоцан место», или перечисляется большой список волоцан. Приобретения приходских церквей всегда делались на имя святого и на имя «всех волоцан» такой-то волости или прихожан такого-то прихода. Подобные формулировки свидетельствуют о праве волости распоряжаться своими землями и землями своих волостных церквей.

Заканчивая характеристику первой части крестьянских поземельных актов, отметим, что контрагенты совершали свои сделки без какого-либо намека контроля со стороны представителей власти. Три грамоты, составленные с доклада наместникам или их тнунам, свидетельствуют лишь об угасшей традиции, ведущей свое начало от эпохи доактового оформления сделок. Пять купчих, совершенных с доклада игумену Питириму, относятся к сделкам монастырских крестьян, которые порой могли пользоваться еще правом распоряжения своими землями, но лишь с разрешения вотчинника.⁵ Эти игуменские благословения особенно наглядно выявляют разницу в праве распоряжения землей свободного

---

⁵ Сделки между монастырскими крестьянами не были, видимо, редким явлением. В одной из купчих, заключенных в 1588 г. с разрешения Питирима, говорится, что отец продавца (монастырский крестьянин) купил землю у брата, а сам продавец приобрел одну долю деревни «у братьев», а другая к нему отошла по закладной от тех же братьев. Несомненно, все эти сделки совершили монастырские крестьяне (Архив ЛОИИ. Ант.-Списк. мон., № 751).

крестьянина и крестьянина монастырского. Первый пользуется им неограниченно, второй — лишь с разрешения вотчинника.

Во втором элементе первой части акта важнейшими являются формулы собственности. В каждый акт, будь то купчая, отступная, закладная или данная, включаются определенные устойчивые выражения, которыми фиксируется право собственности, отчуждающей стороны на предмет сделки. Это выражения формулы: «вотчина» продавца, «станки отца», «купля» отца, деда, матери, брата, «своя купля», «своя роздель» или «росчисть» и т. д. Этими формулами выражены три основания крестьянской земельной собственности: наследование, приобретение, труд. Крестьянин считал вправе распорядиться тем, что он получил от отца в качестве наследственного владения семьи, тем, что было приобретено семьей за деньги, и тем, что было отвоевано его трудом «из-под леса». Это правосознание было всеобщим в крестьянской среде, о чем свидетельствует неизменность приведенных формул в актах на протяжении всего XVI в.

Выражения «вотчина моя», «станки отца», «земля деда» и им подобные фиксируют собственность продавца в общей форме, выражение «купля» того-то и того-то свидетельствует о движении этой собственности. Из учтенных нами по первой половине XVI в. 286 купчих в 61 купчей засвидетельствовало, что земля была ранее куплена продавцом, из 140 отступных этот же факт отражен в 31, из 48 данных — в 15, из 46 закладных — в 10. Из приведенных данных видно, что около 30% сделок совершались уже на бывшие в обороте земли, причем некоторые переходили из рук в руки несколько раз. Если приять во внимание, что и за общими формулами типа «вотчина моя» скрывались земли, приобретенные за деньги, то показатель мобильности крестьянских земель будет еще выше. Во второй половине XVI в. процент сделок на земли, бывшие в обороте, по купчим грамотам достиг уже 40, причем около 10% из них совершалось на земли, которые переходили ранее из рук в руки по 3 раза и более.

Говоря о формулах собственности в крестьянских актах, необходимо отметить, что в сотнях актов разных разрядов они сопровождалась хотя и варьируемыми, но одинаковыми по содержанию выражениями: «великого князя земля, а своего владения», «земля великого князя, а отцовское и мое посплье», «земля царева и великого князя, а моего владения»⁶ и т. д. Эти выражения говорят

⁶ Царский титул вводится в эту формулу с некоторым замедлением. Отступная от 14 июля 1549 г. употребляет его в именной форме: «великого царя государя князя Ивана Васильевича земли, а своего посплья» (ГКЗ, т. I, № 122). Тот же исец, что и в предыдущем акте, в отступной 21 июля 1549 г. опускает царский титул (там же, № 124). В данной на «россом в Неноксе» 14 августа 1549 г. он употреблен, а в отступной от 28 ноября 1549 г. опущен (там же, № 125, 126). Такие колебания в написании правильного титула царя в актах наблюдаются на протяжении 50-х годов, и лишь с 60-х годов царский титул употребляется постоянно. Это еще одно свидетельство того, что контроля за совершенем поземель-

о главе государства как собственнике земли, а о крестьянах (в противоречии с разобранными выше формулами собственности и практикой свободного распоряжения) как владельцах земли.

В разрешении этого противоречия труд А. И. Андреева об отступных грамотах имеет большое значение. А. И. Андреев доказал, что формула «земля великого князя, а мое посилье» и ей подобные в отступных соответствуют реальному положению, так как они совершались на оброчные земли — собственность князя и владение крестьян. Со временем эта формула переносится в купчие, но здесь уже она не отражает реального положения, так как черные земли, на которые купчие совершались, являлись собственностью крестьян. Переход этой формулы в купчие А. И. Андреев относит к позднему времени — к 80-м годам XVI в. «Определение сущности сделки (отступился), — пишет А. И. Андреев, — и формула отношения крестьянина к переходящей по акту к другому лицу земли — „земля великого князя, а мое владение (или посилье)“ — не встречаются совсем в двинских волостных купчих до 80-х годов XVI в.»⁷ Этот вывод, по мнению А. И. Андреева, не могут поколебать учтенные им ранние купчие с указанной формулой, так как они «ничем собственно не отличаются от отступных и потому должны быть рассматриваемы наряду с ними».⁸ Точно так же поздно, предполагает А. И. Андреев, перешли в купчие и те «две клаузулы отступных», которые «отличают их с формальной стороны от купчих на волостные земли»: клаузула о цене и клаузула о причине уступки. Первая клаузула «а взял себе на посилье» встречается лишь в 3 купчих — 1566, 1576 и 1581 гг., вторая — в нескольких купчих начиная с 1581 г.⁹ Позднее, чем в купчих, указание на «землю великого князя» встречается в данных, меновных и других актах. В этой связи А. И. Андреев указывает данную 1597 г. и меновную 1600 г.¹⁰

В основном правильное построение А. И. Андреева о соотношении купчих и отступных ослабляется его категорическим утверждением позднего появления формул отступных в купчих. В действительности купчие с элементами формуляра отступных составлялись в течение всей первой половины XVI в. Из 286 купчих до 1552 г. в 42 читается формула «земля великого князя», а текст о цене изложен, как в отступных: «а на посилье взял то-то. Наличие в этих купчих отдельных элементов из отступных, конечно, не позволяет рассматривать их в качестве отступных, как это делает в отношении 7 купчих А. И. Андреев. Наоборот, значительное число таких купчих (около 14% от общего числа)

пых сделок со стороны правительства не существовало. Известно, что небрежность в отношении титула главы государства рассматривалась как преступление.

⁷ А. И. Андреев. Отступные грамоты..., с. 21.

⁸ Там же, с. 22.

⁹ Там же, с. 23, 24.

¹⁰ Там же, с. 22, прим. 4.

свидетельствует о влиянии формуляра отступных на формуляр купчих (впрочем, и вообще очень близких). Это влияние и близость формуляров объясняется по существу одинаковым характером сделок по тем и другим. Можно предположить, что с образованием в конце XV в. на Двине оброчных земель здесь, вероятно, на основе купчей создается отступная грамота, в формуляре которой отразилась специфика оброчных земель. Позднее разница между оброчными и черпыми землями стирается, и во второй половине XVI в. отступная принимает, как мы видим, часть элементов купчей, а купчая — ряд формул отступной и, в частности, рассматриваемую здесь формулу «земля великого князя». Обращает на себя внимание, что эта формула встречается и во второй половине XVI в. далеко не во всех купчих. Так, купчие на своеземческие земли (а их от крестьян Амосовых, Емецких, Лентьевых, Шунгиных и других дошло до нас около 50) никогда не употребляют этой формулы. В них собственность констатируется только формулой «вотчина моя» или «купля моя», а иногда «вотчина своеземская» и даже «боярщина». В этих особенностях формулы собственности своеземческие купчие (в остальном совершенно схожие с другими купчими) отразили не столько современное (т. е. XVI в.) положение своеземцев (они слились уже в правовом и хозяйственном отношении с черносошными крестьянами), сколько умирающую традицию. Кроме своеземческих купчих, формула о земле великого князя не употреблялась очень часто и в купчих на черные земли. Такие купчие составляют около 30% от общего числа купчих, заключенных во второй половине XVI в. Почти совсем не встречается эта формула в данных на земли, в дельных, в отводных, мировых и во всевозможных записях крестьян, касающихся земельных дел.¹¹

Не свидетельствует ли непостоянство в употреблении крестьянскими документами формулы о «земле царя и великого князя» о том, что крестьяне не придавали ей юридического значения, а употребляли как символ (крестьянские земли — часть государственной территории, верховным сюзереном которой и был царь и великий князь)? На связь этой формулы с идеологическими представлениями крестьян нами уже указывалось в другом месте.¹²

Разобранные выше формулы, выражающие право собственности крестьян, в актах сопровождаются ссылками на документы, подтверждающие это право: частные акты, писцовые и волостные переписные книги. Титулом собственности являются купчие и отступные (они встречаются чаще всего), затем следуют дельные,

¹¹ В данных грамотах на соляные угодья и варницы эта формула фигурирует довольно часто. Например, в данной от 14 августа 1549 г. дается в монастырь на полварницы «царя и великого князя россолу» (ГКЭ, т. I, № 125; см. там же аналогичные факты: № 139, 141).

¹² А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в., стр. 137.

меновные, закладные, рядные и др. Ссылок на «старые крепости» — сотни, они имеются в актах всех разрядов, ибо при каждой сделке стороны прежде всего выясняли правовой статус. Ссылки на акты делаются в развернутой форме, с указанием лиц, предмета сделки, количества актов и места их хранения,¹³ или в краткой форме: «по старым грамотам», «что купчие обдержат», «по дельным, по купчим и отступным грамотам» и т. д. Указание на документы иногда переносится в специальную часть акта, говорящую о передаче документов вместе с землей, сформулированную или кратко («старые крепости», «купчие», «пути» приобретателю выдал), или пространно (с указанием числа, имен, времени). Например, по закладной 1525 г. передается 5 грамот, по дажной 1588 г. — 7, а по купчей 1597 г. — 22 грамоты.¹⁴ Если приобретающий не получает все документы (часть остается у продавца или родичей его), то оговаривается его право «бесценно» и «безволокнути» получить их при первой потребности.¹⁵ Примечательно, что эта часть актов как бы расширяется специальными записями лиц, взявших грамоты на сохранение. В них всегда содержится обязательство о выдаче грамот заинтересованным сторонам.¹⁶ Помимо ссылок на частные грамоты, в актах имеются ссылки на решения суда, на «правые» грамоты. К ссылкам на акты (обычно в первой части) примыкают ссылки на писцовые книги. От первой половины XVI в. таких ссылок всего несколько, обычно они лапидарны по форме: «писец дал», «что писцы великого князя писали в книгу», «чем нас писцы написали в книге». Это были ссылки на книги первого описания Двины 1500—1501 гг.¹⁷ Положение изменилось во второй половине XVI в. На описания И. П. Заболоцкого 1552—1553 гг. и Звенигородского 1586 г. акты ссылаются часто и пространно. Вот, вероятно, одна

¹³ Например, в купчей 1542 г. продавец заявляет, что пожня ему досталась «по купчей грамоте деда своего Климентия, и по правовой грамоте по утягальной бабы своей Марфы, и по рядной отца своего Кузьмы» (Архив ЛОИИ, собр. грамот до 1613 г., № 151). В отступной 1567 г. названы «старые отступные», по которым земля «куплена» была у старосты пикольского Филиппа, а все грамоты (5 отступных и закладных, льготная и две правых) паходятся у брата продавца (ГКЭ, т. I, № 173). В купчей 1570 г. названы купчая, выкупная (выкупил отец у того-то, мировая с тем-то) грамоты (Гос. арх. обл. ист. архив, ф. 1408, оп. 1, № 5).

¹⁴ ГКЭ, т. I, № 57, 318; Архив ЛОИИ, Ант.-Сийск. мол., № 930. — Интересно, что в дажной 1555 г. вместе с поземельными документами выдана и порядная на отца с детьми (Архив ЛОИИ, Ант.-Сийск. мол., № 359).

¹⁵ Например, в отписи 2 июля 1548 г. поп обязуется хранить и выдавать документы (отступные, отводную) на деревню, совладельцем которой он является (Архив ЛОИИ, Ант.-Сийск. мол., № 257), в 1547 г. в особой записи дядя и племянник обязались: первый — хранить («соблюдать») «купчие расольные и пожелные закладные», второй — грамоту духовную с обязательством «давать» их «по нужде» (там же, № 244).

¹⁶ А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвишья в XVI в., с. 135.

¹⁷ Архив ЛОИИ, Ант.-Сийск. мол., № 331.

из первых ссылок на книги И. П. Заболоцкого. В купчей от 3 мая 1552 г. отмечено: «А та вотчина отца нашего Степана купля да и наша. А та вотчина описал И. П. Заболоцкий с товарищи».¹⁸ В закладной того же года заложена земля «по державам» «по описе» Ивана Петровича. А вот пример более пространной записи. В купчей 1570 г. после перечисленных грамот на землю отмечено: «и по описи писцов ц. г. и в. к. И. П. Заболоцкого с товарищи по книги, что яз, Петр (продавец, — А. К.), написан в книги тою землею, да по Васильеву обзору Михайловича Гагина»¹⁹ (описание 1559 г.). Аналогично выглядят ссылки и на книги Звенигородского. Внося эти формулы в юридический акт, крестьяне рассматривали их как доказательство прав землевладельцев. Для крестьян эти формулы были доказательны еще и потому, что писцы, описывая каждое хозяйство, проверяли и крепости на него. Так, в духовной от 7 февраля 1562 г. схимница Марсмыяна замечала, что соляные угодья на Смердых местах она получила от матери вместе с купчими и что «по тем... по купчим грамотам» писец «ц. г. и в. к. И. П. Заболоцкий с товарищи» ее «в книгу описал». Так как грамоты, хранившиеся в церкви, стorerли, то запись в писцовой книге служила единственным доказательством ее прав на угодье.²⁰ То же документирующее значение имело и указание в актах на запись того или иного участка земли в веревных книгах, составленных в волости. Правда, на протяжении всего XVI в. данные веревных книг привлекались в актах для количественной характеристики предмета сделки, но запись в веревной книге имела и закрепляющее значение. В купчей 1587 г. продавец отчуждает «дяди своего владение» «по данной дяди» и «по волосной веревной книге».²¹

Итак, юридический акт как своими устойчивыми формулами собственности, так и аккумулятивным в нем историческим материалом был твердым основанием крестьянской собственности. Его в этом качестве признавало и правительство, опираясь на крестьянские акты при описании черносошных земель и принимая их в качестве доказательства в суде.

Следующим элементом первой части акта является определение объекта сделки и указание его принадлежностей. Рассматриваемые нами разновидности актов предметом сделки в большинстве случаев имеют землю (обрабатываемую), эксплуатируемые угодья (рыболовные, солепромышленные, охотничьи) и дворы. В результате изучения купчих и отступных первых 60 лет XVI в. мы пришли к выводу, что предметом крестьянских сделок было мелкоземельное владение: доли деревни, отдельные участки, пашни, луга, доли угодий. Изредка в актах фигурирует деревня

¹⁸ Там же, № 334.

¹⁹ Гос. арх. обл. ист. архив, ф. 1408, оп. 1, № 5.

²⁰ ГКО, т. I, № 162.

²¹ Архив ЛОИИ, собр. грамот до 1613 г., № 471.

(продается, покупается), но это не всегда отдельное поселение, ибо деревней в актах и крестьянских документах иногда называется владение одного крестьянина в данной деревне. Например, в веревной книге 1612 г. описание каждой деревни состоит из описаний деревень каждого из ее жителей (деревня Бласовская, а в ней деревня такого-то и т. д., 4 двора — 4 деревни). Такие же мелкие владения были предметом закладных, ментовых, отводных, раздельных. Правда, крестьянские акты знают и крупные владения — например, раздельные грамоты своеземцев фиксируют разделы земель и угодий во многих волостях Двины, — по преобладающей тип сделки — сделка на мелкое владение.²²

Но крестьянское владение столь сложно по своим статьям, что одного топографического определения объекта сделки (деревня такая-то, участок такой-то и т. д.), не раскрывающего составных частей его, было недостаточно.

На практике были выработаны формулы общего вида — пространные, менее пространные и краткие. Первая может быть представлена формулой купчей 1543 г. на деревню: «двор и дворнице и с землями горными, и с юрмольскими орамыи, и с пожнями, и з закраины, и с лесными ловищи, и с рыбными, и с перевесничи, и со всеми угодьи, что к той деревне истари потягло». В других пространных записях добавляется: «и с притеребами», «и с присадными землями», «и с путниками», иногда перечисляются хоромы во дворе. Менее пространной можно считать формулу купчей 1546 г.: «з дворы и з дворницами, орамые земли, и пожши, и с притеребы, и со всем, что истари потягло к той деревне». Краткая формула употреблялась для обозначения совсем мелких сделок: «пожня со всякими угодьи и с истоки». Эти общие формулы под пером писца изменялись — некоторые статьи опускались, некоторые добавлялись в зависимости от многообразия принадлежностей объекта сделки. Иногда объект сделки описывается топографически: указываются, например, все поля, лоскуты, рыбные угодья, покосы, пожши. Например, в купчей 1570 г. перечислено 25 полос, полей, участков с займищами и «причистями», которые были предметом сделки. Описание усложняется всевозможными изъятиями: продаются только луговые земли или только горные, из продажи исключаются земли, данные за дочерью, купленные на приданые деньги жены, ранее заложенные. Количественная характеристика отчуждаемой земли дается (далеко не всегда) в веревных сажнях, в веревках (по волостному измерению) или в обжах или сошках (по измерениям писцов), при отчуждении промысловых угодий — в долях варниц, в долях топей, установленных совладельцами.

Но эти топографические описания и количественные характеристики, не говоря уже об общих формулах, все-таки не являются

---

²² А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в., с. 118.

достаточно точными. В них нет определенных точных границ. Устойчивые формулы актов — «по старым межам», «со всем тем, что потянуло из старины», «куда плуг, топор и коса ходили» в ранних актах и «куда соха, топор и коса ходили» в поздних²³ — как раз выражают неопределенность границ владения. Эти формулы отражают общинный быт крестьянства, который характеризуется сочетанием частной собственности крестьянина на пашни, луга и угодья с общинной собственностью на выгоны, леса, охотничьи, а иногда и рыбные угодья. Формулы «что потянуло» и подобные и выражают право приобретшего землю в собственность на пользование общинными владениями, где границы установить невозможно. Формулой «где топор и коса ходили» могли определяться и собственные, и общинные владения крестьянина. Точные межи отсутствуют и в таких актах, как дельные и отводные, где, казалось бы, они были обязательны.

В рядовых дельных (т. е. не таких дельных, как амосовские 1491 и 1527 гг., где фигурируют земли разных волостей Двины) земельные участки сторон определяются лишь относительно друг друга («ниже», «выше», «по одну сторону», «по другую сторону», «верхний конец», «нижний конец» и т. д.) без точных границ. В формуляре отводных грамот даже нет такого элемента, как описание меж, отводная лишь констатирует передачу земли другой стороне. Кстати сказать, такое значение отводной обусловило одну из клаузул купчих грамот — «ся купчая и отводная».

Итак, точных меж в крестьянских актах нет, но без них вести земледельческое хозяйство крестьянину невозможно. Недоговоренность акта, по нашему мнению, дополняет практика векового наследственного хозяйствования крестьянина на своих землях, границы которых во всей точности он знал с ранних лет и мог со знанием дела указать их новому пришельцу (по акту). Это подтверждает судебная практика. Во всех судах после ознакомления судей с документами сторон на землю судьи требовали, чтобы представители сторон «отвели межи». Акт судьям этого не давал.

Вторая клаузула акта говорит о цене. По существу она присуща лишь купчим и отступным, в закладных сумма долга становится ею лишь при просрочке, в данных иногда назначается

---

²³ Смена формул прослеживается по актам вполне определенно. Примерно до начала 20-х годов преобладает чтение краткое: «куда топор и коса ходила»; далее, в 30-х годах, стало добавляться слово «плуг», позднее (сначала изредка) рядом с плугом ставится «соха», которая во второй половине XVI в. доминирует в этой формуле как единственное пахотное орудие. Мы полагаем, что замена в формуле плуга сохой отразила действительную перемену в главном орудии пашни. Плуг употреблялся, конечно, и во второй половине XVI в., но соха, судя по источникам, преобладала. На зависимость, казалось бы, такой условной формулы от хозяйственного быта крестьян указывает чтение ее в многочисленных варшавских актах. В них в этой формуле никогда не упоминаются ни плуг, ни соха, а лишь встречаются «топор» и «коса», а объясняется это полным отсутствием здесь пашенного земледелия.

плата как вознаграждение, а в меновой и раздельной — лишь доплата за неравенство обмениваемых владений или доля при разделе.

В купчих и отступных эта часть открывается устойчивыми формулами: в первых — «а дал есми» или «а взял есми» (в зависимости от того, от чьего лица составлен акт — покупателя или продавца) столько-то денег московских», во вторых — «а взял есми... на посулю столько-то денег московских». Иногда в эту формулу вводятся указания на контрагентов (такой-то взял на том-то) или на характер и состав владения. В купчих она почти всегда дополняется словами «вси вручь», «все сполна», «без остатка», а в отступных — очень редко. В купчих денежная плата в большинстве случаев сопровождается пополком,²⁴ в отступных пополнок появляется лишь во второй половине XVI в. (по Андрееву, не ранее 1571 г.), что происходит несомненно под влиянием формуляра купчей. Взаимное влияние обоих документов видно и на употреблении слова «посилю». Оно появляется в купчих первой половины XVI в. (купчая 1532 г.) и получает некоторое распространение в купчих второй половины XVI в., по одновременно понятие «посилю» из формулы платежа исчезает из отступных. А. И. Андреев утверждает, что «после 60-х годов XVI в. клаузула вторая (о цене) в отступных читается так же, как соответствующая клаузула купчих». В качестве примера он приводит формулу из отступной 1556 г., изложенную, как в купчей.²⁵

Обращает на себя внимание то, что все известные сделки купли-продажи на землю производились всегда с выплатой и всегда при совершении акта. Формулы «вручь», «сполна» и подобные несомненно имели реальное значение, так как у нас нет ни одного случая, чтобы земля или угодья уступались в долг. Иногда уплачивались значительные суммы — 175, 100, 60, 40 и 30 руб. (единичные случаи), иногда — от 10 до 5 руб. (большинство случаев). Земля в крестьянской среде была ходким товаром.

Третья часть акта содержит указание на причину отчуждения земли данным лицом. В развитой и употребляемой почти в каждом акте форме она характерна для отступных первой половины XVI в. Наличие ее здесь объясняется, как мы отметили выше, более высокой нормой налогообложения оброчных земель, т. е. она имела реальную подоплеку. Но, когда в 1552 г. налоговый оклад с черносошных и оброчных земель был уравнен, эта формула стала исчезать из отступных. По наблюдениям А. И. Ан-

²⁴ Пополнок назначался натурой: имеется лишь один акт, в котором и пополнок выражен в деньгах. Пополнок, как рудимент доактового оформления сделки, имел в XVI в. и символическое («куря», «яицо», «куча сена», «шапка лисья»), и экономическое значение. Последнее несомненно тогда, когда в качестве пополнка передавались животные (баран, корова), хлеб в больших количествах, в том числе семенной, вероятно предназначенный для посева купленной земли, соль (например, 134 пуда), хмель (например, 2 пуда), сено (например, 20 возов).

²⁵ А. И. Андреев. Отступные грамоты..., с. 13.

дреева, «с 60-х годов XVI в. она попадаетя довольно редко» (в 6 грамотах из имевшихся у него 33 грамот).²⁶ Но зато она появляется в купчих. Первый известный нам случай — купчая 1561 г. В пей формула отступной повторена полностью: «А не измог есми с той зѣмли царевы службы служити, и даши давати, и всяких потугов земских тянути».²⁷ В купчей 1570 г. — та же формула, лишь заключительные слова читаются по-иному: «пикоторых разрубев платити с волостнымп людьми».²⁸ В купчей 1571 г. о земских разрубях не упоминается: «А продали есмя тое землю потому, что есмя не измогли с тое земли даши царской давати, и оброку, и всяких податей».²⁹ Небольшое число купчих от 80-х и 90-х годов с этой формулой показывает, что она импировала крестьянам в годы значительного подъема налогового гнета.

Четыре последующие клаузулы акта мы рассмотрим вместе, так как в них выражается одна идея — идея неподвижности сделки, гарантия от нарушений. «А продал есми и отступился в дерпь без выкупа» — читаем в 4-й клаузуле. «А в очищении (проданного, — А. К.) яз (продавец, — А. К.) от купчих, и закладных кабал, и от всяких письменных крепостей», — гласит 5-я клаузула. «А ся купчая и отводная», «а ся отступная на ту деревню и купчая и дерная», — констатирует 6-я часть. В 7-й клаузуле говорится о передаче старых грамот и путей на переходящую землю. В полном составе эти клаузулы встречаются лишь в купчих и отступных, и то не во всех. Так, иногда 6-я и 7-я части отсутствуют, ибо стороны признают не каждую купчую отводной, а о передаче актов говорится в том случае, если они имеются (а они имеются не всегда) и если они не указаны в первой части акта, о чем мы уже говорили выше.

Клаузулы, гарантирующие неподвижность сделки, имеются во всех крестьянских поземельных актах. В дапных они выражаются формулой «дал... в дерпь без выкупа», «без отпятки» и передачей актов, в закладных — формулой о превращении закладной в купчую, в меповных — формулой «менялись без размепа» и передачей актов, в дельных — формулой «делились... без передела» и назначением «заставы» — неустойки со стороны, нарушившей договор.

Из анализа соответствующих клаузул купчих и отступных можно заключить, что претензии на приобретенную кем-либо землю могли исходить или от лиц, обладавших документами на нее, о которых продавец во время сделки умолчал или не знал об их существовании («земля никому не продана, не заложена»), или от родственников продавца. Формула «об очищении» решала

²⁶ Там же, с. 14.

²⁷ ГКЭ, т. I, № 161.

²⁸ Гос. арх. обл. ист. архив, ф. 1408, оп. 1, № 5.

²⁹ Там же, № 14.

дело в первом случае. Продавец обязан был «очистить» землю от таких документов «своими деньгами», т. е. выкупить вдруг обнаружившиеся купчие или уплатить долг по закладной и не причинить «убытка» покупателю. Во втором случае вступала в действие формула о продаже «в дернь без выкупа». В некоторых актах она принимала другую форму: «продал впрок без выкупа», «в век», «в дернь ему (покупателю, — А. К.) и его детям» — и дополнялась иногда словами: «и ему (продавцу, — А. К.), и его детям, и родичам, и племенн дела нет» и т. п. Со временем эти формулы в акте еще раз стали повторяться от имени покупателя: такой-то купим у такого-то землю такую-то себе и детям своим «в дернь без выкупа» и т. д. Но такое настойчивое повторение формул о «невыкупе», вероятно, было данью традиции, так как реально выкуп в крестьянской среде в XVI в. изживался. У нас нет сколько-нибудь массовых данных о выкупе, хотя документы выкупа составлялись. Так, в купчей 1532 г. среди документов, не передаваемых с землей, названы «выкупные грамоты»: «а старые выкупные грамоты, что есмь братеники выкупали... те два же-ребья и те выкупные остались у нас».³⁰ Если бы выкуп был частым явлением, то среди тысяч поземельных актов нашлись бы и эти выкупные грамоты, а их нет.³¹ Выходит, формула актов о «невыкупе» имела вполне реальное значение. Интересный в этом плане пример представляет жалоба одного крестьянина на то, что у него пытаются выкупить землю, хотя грамота написана «впрок без выкупа».³² Неподвижность сделки несомненно фиксировалась формулой о купчей и отступной, как отводных грамотах. Выше говорилось, что отвод был процедурным моментом — покупатель вступал в фактическое владение землей, вероятно, получал также и полную информацию о границах купленного. Но сохранившиеся отводные лишь фиксировали сам факт. Поэтому название купчей или отступной отводной грамотой делало этот документ уже окончательным документом на владение. Передача грамот с землей давала покупателю в руки оружие для защиты своих прав и неограниченности этих прав. Практика передачи документов при сделках «прадедовских», «дедовских» и «отцовских» свидетельствует, что хранение их из поколения в поколение было обычаем на Двине. Этот обычай доказывает, что в течение веков акты имели юридическую силу.

В заключение характеристики составных частей акта остановимся еще на одной клаузуле (8-й), место которой в тексте акта

³⁰ Архив ЛОИИ, Ант.-Спйск. мон., № 110.

³¹ Выкупная 1547 г., напечатанная в «Актах юридических», называет себя также и «отданой», потому что по ней выкупаются родственником лишь те земли, которые новый владелец «дал... на выкуп». Часть угодий — морские тони и морские ловли рыбные — на выкуп не были даны. В этом нельзя не увидеть деформацию выкупа в простую сделку купли-продажи (АЮ, СПб., 1838, № 134).

³² Архив ЛОИИ, Ант.-Спйск. мон., № 634.

не было определенным (то в середине текста, то в конце), — на клаузуле, говорящей о податях и хозяйственных вопросах. Подати продавец обычно обязывался платить до «Ильипа дни», после чего их должен был платить уже покупатель. Случай, когда купивший платит налоги, «как за землю принимется», очень редки. Срок «Ильин дець», вероятно, обуславливался хозяйственными соображениями: к этому времени снималась рожь, которую убирал в подавляющем большинстве случаев продавец. В актах второй половины XVI в. формула о ржи усложнялась: «пар сеял», «возил навоз» продавец уже после совершения сделки, т. е. на будущий год. В этих случаях на него падала 1/3 палогов, ему разрешалось вывезти зерно, но солому он должен был оставить новому хозяину, так как она необходима для «трусения назма». В этой же части грамот определялись и другие хозяйственные взаимоотношения (при починке дорог, чистке оросительных канав, бережени «затульных лесов», об освобождении двора продавцом, если двор или часть его, отдельные хоромы, продапы).

Конечно, перечисленными восемью клаузулами содержание крестьянского акта не исчерпывается. Многосложная крестьянская хозяйственная жизнь обуславливала всевозможные добавления в текст: в них иногда появлялись элементы рассказа, например об истории земель (побывала у 5 владельцев), истории деревень (кто ошователь, кто жил), указания на половников, живших в деревнях. В данных получили развитие формулы «о поминании», давались перечни лиц, которых надо было написать «в сенник», «в стену», «в книгу», и т. д. Это все обогащает основную часть акта и делает его ценнейшим историческим источником.

Удостоверительная часть наших актов всех разрядов однообразна, в ней указаны послухи, канцелярия и дата акта. По нашим подсчетам, в актах до 1552 г. было указано следующее количество послухов:

В 286 купчих	— 642 человека
В 140 отступных	— 342 человека
В 69 дельных	— 69 человек
В 48 данных	— 104 человека
В 46 закладных	— 104 человека
В 16 менных	— 45 человек
В 8 отводных	— 36 человек

Как видим, в среднем в каждом разряде на акт приходилось по 2—2.5 послуха, лишь в отводных — свыше 4 человек. Послухов иногда называли «мужами», «людьми добрыми». Последние два наименования послухов преобладали в отводных. Среди послухов свыше 100 человек — волостные старосты и целовальники, которые, вероятно, как наиболее авторитетные люди, приглашались в послухи особенно часто. В послушестве отразилось социальное расслоение. Послухами в сделках богатых крестьян-своеземцев чаще всего выступали подобные им богатеи. Место заключения актов — то погост, то посад, но чаще всего, вероятно, церковная

трапеза волостной церкви, так как писцами актов выступали почти всегда церковные дьячки. Три акта заключены в Москве двинянами, вызванными на суд, среди которых был и Алексей Амосов. Писцами актов были церковные дьячки и земские дьяки, но иногда участники сделок писали и сами. Так, своеземец Василий Остафьев писал «своею рукою» 4 акта, его родственник Яков Афанасьевич Емецкий, кроме 3 актов, собственноручно написал духовную в 1595 г. И таких актов, написанных «своими руками», отмечено около 20. Подавляющее же число их составлено и написано писцами-профессионалами.

Таких писцов в указах выше актах до 1552 г. мы насчитали около 400. Занятие письмом, видимо, было их пожизненным занятием. Имеются акты, написанные одним и тем же лицом в течение нескольких десятилетий. Например, от писца Гриди Федорова сохранились акты от 1514 до 1540 г., от Луки Иванова — от 1521 до 1542 г., от Федьки Фомина — от 1527 до 1542 г.

Многие писцы передавали свое искусство сыновьям. Примером может служить семья Куколкиных в с. Уне. Федор Никитин сын Куколкина известен как писец многих унских актов с 1576 по 1595 г. Тогда же, в 1585 г. акты писал и его сын. Селянинка Федоров сын Куколкина составил духовную грамоту. Характерна судьба писца Федора Куколкина. В начале XVII в. он постригся в Соловецкий монастырь и дал вкладом свои пожни в Уне. Будучи монахом Феодоритом, он продолжает свою письменную деятельность — сохранились указания на богослужебные книги, написанные им, а одна дошла до нас. Она примечательна миниатюрой, на которой изображен сам Феодорит.³³

Все акты в подавляющем большинстве имеют точную дату — с указанием числа, месяца и года и совсем редко с указанием одного года.

Рассмотрение всех составных частей крестьянского акта позволяет утверждать, что социальной средой возникновения изучаемых актов являлось свободное крестьянство, распоряжавшееся своими землями как своей собственностью. А отсюда следует, что наши акты в виде юридических сделок отражают те экономические и социальные отношения, которые возникают в черпосошной крестьянской среде в феодальный период на базе еще не ликвидированной крестьянской собственности на землю. В земельных сделках на лично обрабатываемые земли (разработанные дедами и прадедами и окультуренные трудом поколений родичей или приобретенные каким-либо иным способом) крестьянин (конечно, отчуждающий и приобретающий) выступал всегда как частное лицо. Сделки крестьян имели преимущественно хозяй-

---

³³ Н. Ю. Бубнов. Портретное изображение писца в лицевой рукописи начала XVII в. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М., 1966, с. 20—22.

ственное значение, ибо права нового владельца на землю реализовывались в подавляющем большинстве случаев через личный труд приобретателя.

Структура крестьянского акта развивалась под влиянием условий крестьянского хозяйства. Крестьянские юристы придерживались в целом формуляра акта, но под влиянием многообразных хозяйственных отношений, в которые вступали стороны при каждой сделке, они вносили в акт новые элементы, изменяли соотношение их в тексте. Отсюда некоторая мозаичность крестьянского акта, обусловившая богатство его как исторического источника.

Единая социальная среда возникновения обусловила не только фактическую и юридическую взаимосвязь актов разных разрядов, но и прямое влияние их формуляров.

Юридические сделки крестьян совершались в условиях устойчивых традиций и форм общественной жизни чернососного крестьянства — общины и самоуправления.

И. А. КАЗАКОВА

НАЧАЛЬНЫЙ ТЕКСТ НОВГОРОДСКО-НЕМЕЦКИХ ДОГОВОРОВ XII—XV ВВ.

Дипломатика международных договоров Руси до сих пор остается мало разработанной. А между тем она чрезвычайно важна не только как составная часть дипломатики древнерусских актов, но и как средство более полного освещения различных сторон исторического процесса. Особенно благодарный материал в этом отношении дают новгородско-немецкие договоры (договоры Новгорода с немецкими городами и с Ливонским орденом). Они тянутся цепью с конца XII и до 60-х годов XV в. (мы имеем в виду лишь договоры периода новгородской самостоятельности) и благодаря этому позволяют наглядно проследить изменение формуляра статей и зависимость его от эволюции социально-политического строя Новгорода и перипетий его внешнеполитической истории.

Обязательной составной частью формуляра начального текста новгородско-немецких договоров является перечень высших должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, волею которых определялось заключение договора. Этот перечень в различные периоды истории Новгорода был различным. В настоящей статье предлагается опыт установления эволюции перечня и выявления причин, ее обусловивших.

Перечни должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, от имени которых заключались договоры, можно разбить на три типа. Первый тип встречается в новгородско-немецких договорах конца XII—начала XIV в. Наиболее